

Наконец, чашка чая опустела, Ян Цзинь поставил её на стол и задумчиво произнёс:

— Подождём до следующего года.

Он не уточнил, чего именно ждать, но у Ван Цяня ёкнуло сердце. Он почувствовал: надвигается смута, здание вот-вот рухнет.

Ян Цзинь продолжил:

— Его Величество поручил мне одно дело.

Ван Цянь внутренне содрогнулся. Он знал, что речь не о правителе Наньюэ.

Северный ветер в Ляоси был холодным, и в мгновение ока небо потемнело, став синеватым, а снег пошёл густыми хлопьями.

Ван Цянь оставался в резиденции главнокомандующего до полудня, прежде чем выйти.

Выйдя, он направился напрямик домой, наскоро пообедал и, не теряя времени, схватил своего любимого боевого петуха, чтобы отправиться на петушиные бои на восточный рынок Цяня.

Там его уже ждала шумная компания друзей. Едва он появился, как они окружили его и все вместе направились на арену.

Оглядев толпу, Ван Цянь заметил среди прочих младшего брата своей наложницы, молодого военачальника с густыми бровями и большими глазами — Пэн Ханьфэя.

Тот с виду казался честным и простодушным, усердно протирал столы и расставлял скамейки, словно старался переплюнуть работу слуг из заведения «Золотой генерал».

Нравы в Ляоси были суровыми, местные жители не ценили изысканные столичные развлечения вроде прогулок с птицами или любования цветами, поэтому все музыкальные залы и художественные павильоны были переделаны в арены для петушиных боёв, собачьих схваток и скачек. Те, кто хотел казаться утончёнными, ограничивались сочетанием чайных домов и арен для боёв, и не более того.

«Золотой генерал» был одним из лучших мест для петушиных боёв в Цяне.

Ван Цянь был завсегдатаем и имел лучшее место, считавшееся самым удачным с точки зрения фэншуй, где всегда побеждали. Но сегодня удача, казалось, отвернулась от него — он проиграл пять поединков подряд.

Увидев, что его любимый боец вот-вот сдастся, Ван Цянь был вынужден признать поражение и, раздосадованный, удалился, размахивая рукавами.

Пэн Ханьфэй, заметив, что Ван Цянь расстроен, устроил небольшой пир в городском ресторане, пригласив его и его приятелей. После нескольких кругов вина мужчины стали называть друг друга братьями. Лишь Ван Цянь, погружённый в свои мысли, пил молча и вскоре опьянел.

Пэн Ханьфэй отвёл Ван Цяня в резиденцию главнокомандующего, где жена уже спала, и проводил его в покои наложницы.

— Господин, вот отвар от похмелья.

Наложница была нежной и заботливой, аккуратно поддерживая Ван Цяня, она поднесла к его губам горячий отвар.

Ван Цянь в полубессознательном состоянии сделал несколько глотков, но вдруг швырнул чашу, бормоча:

— Сволочь! Чёрт возьми... Я знал... Я знал, что стоит вернуться, и мне не будет покоя... Ты хочешь ограбить... Почему бы тебе самому не пойти грабить! Чёрт возьми... Я... Я стану твоим козлом отпущения...

Наложница оглянулась на плотно закрытые окна и двери, вытерла платком пот со лба Ван Цяня и мягко сказала:

— Господин, вы пьяны, не говорите лишнего.

— Л-лишнего? — Ван Цянь широко раскрыл глаза, но взгляд его был расфокусирован. — Я... Я слишком велик для него... Слишком велик! Он... Он не оставит меня в живых... Он убьёт меня чужими руками...

Наложница испуганно произнесла:

— Господин, не говорите больше, если жена услышит, генерал Ян может наказать вас.

Эти слова попали в самую больную точку Ван Цяня.

Его законная жена была дочерью семьи Ян, которую Ян Цзинь выдал замуж за него, чтобы укрепить связи. Эта девушка из семьи Ян была красивой и доброй, но, увы, не могла родить детей.

В первые десять лет брака, несмотря на отсутствие детей, Ван Цянь, искренне любя её и помня о благосклонности Ян Цзиня, продолжал баловать свою жену. Даже взяв в дом двух наложниц, он не стал пренебрегать законной супругой.

Но спустя десять лет, когда наложницы одна за другой забеременели, всё изменилось. После рождения внебрачных детей в семье Ван госпожа Ян полностью преобразилась.

Сбросив маску доброты, которую носила более десяти лет, она устроила так, что две наложницы потеряли детей. Ван Цянь пришёл в ярость, но Ян Цзинь одним словом утихомирил его.

Имея поддержку двоюродного брата, госпожа Ян стала ещё более жестокой, оставив лишь одну наложницу — свою служанку, сестру Пэн Ханьфэя, Пэн Янь.

Пэн Янь была умной и понимающей, к тому времени она родила сына, которого сразу же отправили в покои госпожи Ян, где он и рос под её опекой. Сама Пэн Янь почти не покидала своих покоев, даже не видела сына, что полностью успокоило госпожу Ян.

Но в душе Ван Цянь ненавидел её всей душой.

Стиснув зубы, он прошипел:

— Это уже слишком...

— Господин, уже поздно, пора спать.

Пэн Янь помогла ему раздеться, выжала полотенце и вытерла ему лицо и руки.

Ван Цянь лежал, уставившись в потолок, схватил руку Пэн Янь и в полубреду пробормотал:

— Янь... Янь...

— Господин...

Пэн Янь опустила полог кровати, подошла к Ван Цяню и посмотрела на него с нежностью.

Ван Цянь прошептал:

— Янь... Прости меня... После этого дела... Меня могут казнить...

Пэн Янь опустила глаза:

— О чём вы говорите, господин? Пока генерал Ян здесь, кто посмеет казнить вас?

На лице Ван Цяня появилось горькое выражение:

— Это он! Это он... Хочет моей головы... Он и тот... Я всего лишь козёл отпущения! Главная дань... Ведёт к истреблению всего рода...

С этими словами Ван Цянь, мужчина за тридцать, опустил голову и заплакал.

Плакал он недолго, хмель отпустил, и он уснул.

Пэн Янь накрыла его одеялом и пошла умываться. Её служанка вошла, и Пэн Янь, сидя в ванне, написала несколько слов на ладони девушки и махнула рукой.

Свечи в комнате погасли, и всё погрузилось в темноту.

Служанка вынесла ведро с водой к боковой двери, остановилась в тени, огляделась и быстро прошептала несколько слов, после чего спокойно ушла.

Сообщение передавалось из рук в руки, и через несколько дней оно уже было доставлено в столицу.

— Главная дань?!

Письмо с грохотом упало на стол, лицо Сяо Цяня стало ледяным, и он засмеялся:

— Какая коварная затея, отличный план!

Сунь Чанъи взглянул на него и налил чаю:

— Брат Сяо, гнев вредит здоровью.

Сяо Цянь сдержал гнев и выпил чай. Они находились в новом пельменном ресторане в столице, и соседние кабинеты были пусты, чтобы никто не мог подслушать.

— Говорят, главная дань Наньюэ покинула столицу в начале месяца, — сказал Сунь Чанъи. — Судя по скорости каравана, они уже должны быть в Ляодуне, направляясь в Ляоси. Времени мало, брат Сяо, есть ли у тебя план?

Сяо Цянь спокойно приподнял бровь:

— А у тебя есть?

Сунь Чанъи слегка прищурился и тихо произнёс:

— Тот, кто наверху, сделал этот ход, чтобы заставить императора Наньюэ прийти в Великую Цзинь с повинной. Он уже не может ждать, Наньюэ ему непременно нужно заполнить.

Сяо Цянь внутренне напрягся, но сделал вид, что всё в порядке:

— Если так, то почему, когда генерал Чжэнго подошёл к стенам города и дошёл до реки Цэньшуй, он не вошёл в столицу, а подписал мирный договор?

Сунь Чанъи, ранее введённый Сяо Цянем в заблуждение, полагал, что тот, исчезнув на долгие годы, скрывал себя и не знал о сложных делах Великой Цзинь. Поэтому он наполовину испытывал его, наполовину откровенно сказал:

— Это просто. Наньюэ может быть завоёвано кем угодно, но только не Сяо Цянем.

Да, это так просто. Почему же тогда он сам не понимал этого раньше? Сяо Цянь вздохнул.

Возможно, он и понимал, но, проведя более двадцати лет как брата, деля с ним и одежду, и гнёзда, всё ещё не хотел сомневаться. Но, увы, мир переменчив, и лицо человека не всегда отражает его сердце.

— Есть ли здесь люди, которые могут перехватить караван с данью в Ляодуне? — спросил Сяо Цянь.

Сунь Чанъи покачал головой:

— Не получится, и нельзя этого делать. К тому же, в Ляодуне нет никого, кому можно доверить это дело.

Сяо Цянь оказался в затруднительном положении, поразмыслив несколько мгновений, он решительно сказал:

— Я сам поеду. Надеюсь, брат Сунь сможет выделить несколько надёжных людей, чтобы помочь мне.

Сунь Чанъи был ошеломлён:

— Ты же правитель государства, как ты можешь покинуть столицу?

Сяо Цянь улыбнулся:

— У меня есть свои способы. Сейчас нет другого выхода, придётся рискнуть. От столицы до Ляодуна, если ехать день и ночь без остановок, можно добраться за семь дней. А караван с данью только что вошёл в Ляодун, остановится в городе или проедет через границу, время примерно совпадает.

— Слишком рискованно.

Сунь Чанъи не одобрил.

Он смотрел на Сяо Цяня, на его решительное выражение лица, и вдруг ему показалось, что он видит того самого молодого генерала, который только начинал свой путь, рисковал на поле боя и был готов на всё. Если у них действительно одна кровь, то, возможно, они чем-то похожи.

Сунь Чанъи вдруг сказал:

— На самом деле, есть ещё один способ.

Он поднял глаза на Сяо Цяня.

Сяо Цянь нахмурился:

— Какой способ? Не тяни, говори, не будь как баба.

<http://bllate.org/book/16207/1454748>